

ваются въ одно реальное небо историческаго прогресса, историческаго безсмертія... Это міръ непрерывной работы, нескончаемаго дѣланія и становленія, міръ вѣчной борьбы будущаго съ прошедшимъ,—и надъ этимъ міромъ носится Духъ Божій, оглашающій хаосъ и мракъ своимъ творческимъ и мощнымъ глаголомъ: «да будетъ!», и вызывающій имъ свѣтлое торжество настоящаго—радостные дни новаго тысячелѣтнаго царства Божія на землѣ... И благо тому, кто не празднымъ зрителемъ смотрѣлъ на этотъ океанъ шумно несущейся жизни, кто видѣлъ въ немъ не одни обломки кораблей, яростно вздымающихся волны, да мрачную, лишь молніями освѣщенную ночь, кто слышалъ въ немъ не одни вопли отчаянія и крики гибели, но кто не терялъ при этомъ изъ вида и путеводной звѣзды, указывающей на цѣль борьбы и стремленія, кто не былъ глухъ къ голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты—братья твои насладятся имъ и восхвалятъ вѣчнаго Бога силъ и правды!» Благо тому, кто, не довольствуясь настоящей дѣйствительностью, носилъ въ душѣ своей идеалъ лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одной мыслью—способствовать, по мѣрѣ данныхъ ему природою средствъ, осуществленію на землѣ идеала,—рано поутру выходилъ на общую работу, и съ мечомъ, и съ словомъ, и съ заступомъ, и съ меглой, смотря по тому, что было ему по силамъ, и кто являлся къ своимъ братьямъ не на одни пиры веселія, но и на плачъ и сѣтованія... Благо тому, кто, падая въ борьбѣ за свѣтлое дѣло совершенствованія, съ упованіемъ срастнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызывавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: «все Тебѣ и для Тебя, а моя высшая награда—да святится имя Твое и да придетъ царствіе Твое!...»

Обаятельна жизнь сердца; но безъ практической дѣятельности, источникъ которой заключался бы въ паосѣ къ идеѣ, самый богато-надѣленный дарами природы человѣкъ рискуетъ скоро изжить всю жизнь и остаться при одной пустотѣ мечтательныхъ ожиданій и дѣйствительнаго отращенія къ чувству бытія. Романтизмъ, безъ живой связи и живого отношенія къ другимъ сторонамъ жизни, есть величайшая односторонность!

«Узникъ»—одно изъ самыхъ благоуханныхъ романтическихъ произведеній Жуковскаго. Заключенный въ тюрьмѣ юноша слышитъ за стѣнной стѣной такой же, какъ онъ самъ, узники:

„И такъ всѣ блага замѣнить
Могилой:

И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
Такъ мило!

Ахъ, дайте въ свѣтъ подышать;
Еще мнѣ рано умирать.
Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ
Жила я;
Лишь мигъ на праздникъ земномъ
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!»

Юноша сжилъ душой съ узницей, которой онъ никогда не видалъ. Въ ней вся жизнь его, и онъ не проситъ самой воли. И что нужды, что онъ никогда не видалъ ея, что она для него—не болѣе, какъ мечта? Сердце человѣка умѣетъ обманывать и себя, и разсудокъ, особенно если съ нимъ вступить въ союзъ фантазія. Нашъ узникъ не хочетъ и знать, что бѣ заговорило сердце его тогда, когда глаза его увидѣли бы таинственную узницу.

„Не ты ль—онъ мнитъ—давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутнаго тоской,
Волненьемъ жизни молодой?
Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я:
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ;
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.“

Молодая узница умерла въ своей тюрьмѣ узникъ былъ освобожденъ;—

Но хладно принималъ онъ привѣтъ
Свободы;
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ:
Дни, годы.
Напрасно будутъ проходить...
Погибшаго не возвратитъ...
И тихо въ сумракъ ночей
Онъ бродитъ,
И съ неба темнаго очей
Не сводитъ;
Звѣзда знакомая тамъ есть;
Она къ нему приносить вѣсть...
О миломъ вѣсть и въ мірѣ иной
Призванье..
И дѣлится съ тайной онъ звѣздой
Страданье;
Ея краса оживлена;
Ему въ ней свѣтится она.
Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ...
И миновало,
Что вдругъ въ передпослѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала—
И жизнь въ улыбкѣ отошла..

«Сказка о царѣ Берендѣѣ, о сынѣ его Иванѣ-царевичѣ, о хитростяхъ Коцея-Безсмертнаго и о премудростяхъ Марьи-царевны, Коцеевой дочери» и «Сказка о спящемъ Царевичѣ» были весьма неудачными попытками Жуковскаго на русскую народность. О нихъ никакимъ образомъ нельзя сказать:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.